

Лише від „Орлол“ і „Орлол“ уживаємо однаково — орловський (ор під наголосом збереглось). „Московский“, суди не належить, бо в ньому немає того суфікса -ов-, що в „орловський“ або „валуйковський“.

На цьому кінчаю свої зауваження, обмежуючись лише вказівним.

* * *

Беручи активну участь у роботі над очищенням правопису, його дальшим розробленням, удосконаленням і спрощенням, я почував себе особливо зобов'язаним над цим попрацювати. Адже в минулому я мав націоналістичні зриви й помилки, що виявилися в апології націоналістичного правопису Скрипника, розробленні ряду орфографічних питань у душі цього ж таки „правопису“ (особливо в період моєї роботи в редакції т. зв. УРЕ) та ін. Виправляючи на ділі ці свої минулі помилки, і саме в тій діяльності, де найбільш їх допустився, я протягом останніх років інтенсивно працював у галузі української орфографії. Дана стаття є одним з наслідків цієї праці.

Книжки замиски Харківського гос. ун-ту.
інститута ім.єрмаков. - Харків, 1939 -
7.І. - С. 109-112.

А. З. ЛЕВЕНСОН

БЕРНС І ШЕВЧЕНКО

В лютому 1939 року виповнилося 180 років з дня народження шотландського поета Роберта Бернса. Він відомий в СРСР переважно мало, а між тим його блискучий і своєобразний талант особливо близьок радянському читачеві. Подібно Бернсу, подібно геніальному поету України Тарасу Шевченку, Бернс являється лідером народним поетом. Він кріпко зв'язаний з своєю країною; своїм творчеством він не мало зобов'язаний фольклору. „У нього ви не знайдете кабинетних красот, він живе на чистому повітрі, посеред природи“, — зауважує автор анонімною статтю про нього в „Библиотеке для чтения“.¹

Примітально, що великий поет-демократ Шевченко високо оцінив народність творчості Бернса, коснувшись її в зв'язі з переважно інтересною і важкою проблемою — проблемою істинної народності. Як відомо, в 1847 г. Шевченко передбачав випустити „другого Кобзаря“. В зв'язі з арештом поета видання не вийшло, і передсмертне Тараса Григорьевича к заставившись збірники у виділо світ багато позже — воно появилось в августовской книжке журнала „Былое“ за 1906 г. В этом предисловии поетически остро поставлен вопрос о народности и псевдонимности. Обрушившись на произведение, подобные „Чарам“ писателя Топольи, Шевченко протестует против искажения понятия народности, против литературы, в которой фигурируют „пинки, свини, п'яні баби“.

Но не только такая грубая фальсификация народных реалий — поэта. Даже в творчестве значительных украинских реалистов — Котляревского, Квитки, Гулака-Артемовского — он отмечает отношение к народу „со стороны“, недостаточную близость к нему.

„... Прочитайте вы думи, пісні, послушайте, як вони (крестьяне — А. Л.) співають, як вони говорять між собою, шапок не скидаючи, або на дружньому банкеті, як вони згадують старовину і як вони плачуть, неначе справді в турецькій неволі або у польського магната кайдани волочать“.²

Вот с какими требованиями обращается поэт к собратям по перу. Раскрыть жизнь народа во всей ее полноте, показать его страдания без прикрас — такова задача народного поэта. И, конкретизируя свои мысли, обобщая их, Шевченко противопоставляет Вальтера Скотту (которого, впрочем, высоко ценит) шотландца Бернса: „А Бернс умеет так поет народный и великий“.

¹ „Библиотека для чтения“, 1837, ч. XXIV.

² „Былое“, 1906, VII.

Всмотримся пристальнее в творчество Бернса и постараемся найти в нем те черты, которые привлекали внимание революционного демократа Шевченко к далекому поэту, умершему за полвека до того, как были написаны приведенные строки.

Роберт Бернс родился 25 января 1759 г. в Шотландии, в глиняном коттедже бедного садовника, сделавшегося впоследствии не менее бедным фермером. Много позднее Бернс так отзывался о горьких годах беспроектной нищеты: «Мы жили в страшной нужде». Нужда эта заставляет его беспрестанно трудиться, чтобы помочь отцу.

После смерти отца становится еще хуже. Но Бернс не унывает. Вместе с братом берется он управлять фермой, не переставая в то же время пополнять свое образование, проникнутый желанием сделать что-нибудь для родины, «для бедной старой Шотландии, или хотя бы спеть ей песню», как сказано в автобиографии поэта. Идущая за плугом, он не выпускает из рук старинного сборника песен, изучая их «стих за стихом, стараясь отличать нежное и возвышенное от аффектации и напыщенности».¹

Так начинает вырисовываться перед нами не только личная, но и социальная биография Бернса. Его жизнь теснейшим образом была связана с жизнью родной страны, стоявшей под властью английского капитализма.

История Шотландии богата ожесточенной классовой борьбой и крестьянскими восстаниями. Уже в пору разложения клановой системы, в первой половине XII века, происходит целый ряд таких восстаний. С установлением феодальных отношений положение крестьянства не улучшилось. Рента, выплачиваемая лорду продуктами, судобные и всякие иные повинности разоряли крестьян — и крепостных и свободных. К гнету классовому присоединился и гнет со стороны англичан; борьба за власть между аристократическими родами приводит шотландское государство к потере независимости. В конце XIII века английский король Эдуард I присоединяет Шотландию к Англии. Дворянство смиряется перед властью англичан, но крестьяне восстают против интервентов, захвативших родную землю. Восемнадцатый лет длится эта крестьянская и национальная революция, вошедшая в историю под названием «Войны за независимость», вожди которой носили имя Бернсом.

Последующие XVI—XVIII столетия приносят еще большее обострение классовой борьбы, укрепление буржуазии, установление пресвятыни и все более ужасающее обнищание крестьянских масс. Капитализация сельского хозяйства усиливает разорение деревни. Крестьяне вынуждены покидать землю, уходить на фабрики и заводы. Часть из них искала счастья на военной службе, часть опустилась на «дно», превращаясь в бродяг. Тем же, кто оставался на земле, приходилось крайне туго. Бернс на собственном опыте, на примере своих односельчан убедился в этом. И он вспоминает о героических временах, когда народ вел борьбу с угнетателями, тот народ, из среды которого вышел сам поэт. Он горд своим происхождением, и эта хорошая гордость звучит в следующих строках его автобиографии:

«Я не имею ни малейшего права на звание джентльмена. В жилах моих течет кровь древняя, но известная; она добра-

¹ П. Вейнберг — Роберт Бернс. «Русское богатство», 1896, № 9.

лась до меня, переходя от самого потопа из одного крестьянина в другого, и геральдика меня и знать не хочет».¹

Характерно, что о своей тесной связи с народом неоднократно, на протяжении всей своей жизни, заявлял и Шевченко.

С детских лет воображение будущего поэта насыщено преданиями родной старины. Он собирает, кроме того, «богатый запас сказок и песен о чертах, духах, феях, волшебниках»,² так своеобразно преломившихся в его творчестве.

Труд — литературный и главным образом земледельческий — занимает жизнь Бернса. Но как ни упорен этот труд, поэту все же удается свести концы с концами. Надо покинуть родину, «сказать просты веселым берегам Айры», отправиться в далекий путь — на Ямайку, чтобы заработать немного денег. Но неожиданный успех первого сборника «Old and Young» («Старое и новое») изменяет этот план. Бернс мог бы также произнести фразу, которую несколько десятилетий лет спустя произнес Байрон; он с полным правом мог бы сказать, что в одно утро проснулся знаменитостью.

«Все — и знатные и простые, и серьезные и веселые, и учредительные и невежды — были одинаково восхищены, взволнованы, очарованы. Простые пахари и поденщики охотно платили за произведения Бернса деньги, необходимые им для покупки одежды».³

Это свидетельство одного из друзей семьи Бернсов показывает, как оценил поэта тот читатель, для которого он творил.

Бернс переселяется в Эдинбург. Слава распахивает перед ним двери аристократических домов, но он плохо ладит с высокомерными покровителями, превращающими талантливую поэзию в атрибун для своих салонов. Материальные дела тоже не налаживаются, и Бернс возвращается домой. Снова тяжелый труд на ферме, скучное и прозаическое место exsleman'a — акцизного чиновника.

На службе Бернс считается политически неблагонадежным и едва не лишается места, вследствие ярко выраженной симпатии к французской революции: он посылает Конвенту оружие, в одном из своих стихотворений изображает прирак, на головном уборе которого красуется надпись: «Свобода». Нужда преследует его вплоть до смерти, наступившей в 1796 г.

Как ни своеобразен и самобытен Бернс, он, конечно, вырос не на пустом месте. У него были предшественники — талантливые шотландские поэты Фергюсон и Рамзей, оказавшие на него известное влияние.⁴ Но в английской литературе той поры для Бернса

¹ Письмо Бернса к д-ру Муру, датируемое 1787 г. Цит. по «Библиотеке для чтения», 1837, ч. XXIV.

² Там же.

³ П. И. Вейнберг — Роберт Бернс. «Русское богатство», 1896, № 9.

⁴ Некоторые стихи Бернса восходят, несомненно, к Фергюсону. У последнего можно найти прообразы отдельных бернсовских произведений. Так, например, в «The Bookman, Illustrated history of English Literature Seccomb'a and Robertson'a» на стр. 338 приводятся несомненные параллели:

Fergusson

1. Leith Races.
2. Mutual Complaint of Plain-stanes and Causey.

и т. д.

3. Farmer's Ingie.
4. Auld Reikie.

Бернс называл Фергюсона «старейшим братом по музам», и музы их, действительно, родственны. Фергюсон в указанных стихах также воспевает родину и разоблачает угнетателей.

найдется немного параллелей. Традиция, господствовавшая в английской поэзии XVIII века, превратила ее в сухое, искусственное описание светской жизни. Классик Поп тратит свой талант на создание галантной поэмы "Похищение локона", от которого веет мертвящей скукой. Голдсмит и Крабб хоть и пытаются дать поэзии новое направление, приблизить ее к жизни, заговорить о народе, но попытки эти слабы и бледны. Крестьяне Голдсмита идеализированы и сентиментальны, а Крабб, несмотря на более или менее реалистическое изображение народных бедствий, не делает соответствующих выводов из своих наблюдений, зовет не к борьбе, а к примирению.

Из английских поэтов-сентименталистов ближе других к Бернеу стоит Грей, мастер пейзажа и любитель старины. Но крепче всего у Бернса связь с шотландской поэзией, с народной песней.

Несколько иронически Бернс был настроен и по отношению к английской прозе. В жанре повествовательного видное место тогда принадлежало так называемому "готическому" роману, роману "кошмаров и ужаса". Создававшийся с целью увести читателя от реальной действительности в царство вымышленных страхов и бумажных страстей, роман этот использует в огромных дозах бутафорию яда и кинжала, привидений и убийств, мрачных подземелий, откуда несутся стоны, и самых невероятных приключений, могущих поразить читательское воображение. "Удольфские тайны" — Ретклифф, "Замок Отранто" — Уолпола являются наиболее ярким образцом того жанра.

Эту литературную традицию Бернс взрывает с блестящим сарказмом. Сохраняя некоторые элементы "готической" литературы, Бернс зло пародирует ее в знаменитой поэме "Tam O'Shanter" ("Там О'Шантер"), которую сам называл лучшим своим произведением.

Характерно, что дореволюционная критика не смогла или не захотела разглядеть этой острой пародической струи в бернсовской поэме. Английские историки литературы охотно подчеркивают "the horrible witch-dance" — ужасную пляску ведьм. В статье проф. Тернера говорится о "драматической силе в изображении ужасного и сверхъестественного".¹ Между тем, "ужасное и сверхъестественное" раскрывается в совершенно ином плане, чем это имеет место в "готической" литературе. Весь материал намеренно снижен. Вместо традиционного рыцаря на гордом коне — слегка подвыпивший крестьянин на кобыле Мэг; вместо замка — деревенский кабачок. Тайственные ночные приключения под пером Бернса теряют свою таинственность. Шабаш ведьм дан в явно юмористическом плане. "Жуткий" элемент снимается замечательным описанием того, как Тому пригланулась молоденькая ведьма.

Читатель не забывает, что герой под хмельком и что вся чертовщина — результат долгого пребывания в кабаке. И, конечно, здесь не просто пародия на "готический" роман, а насмешка над самой его сущностью, дерзкий и веселый выпад против класса, создавшего этот "страшный" жанр. И не в том дело, что "Tam O'Shanter" появился в 1790 г., когда Бернс был уже сформировавшимся поэтом. И более ранние его стихи всегда красноречиво свидетельствуют о полнокровной жизнерадостности, о реализме, о новизне и свежести.

Очень выпукло проступают симпатии и антипатии поэта в поэме

¹ "Мир божий", 1896, № 7.

"The jolly Beggars" ("Веселые нищие"). Люди, выброшенные за борт жизни, считающиеся "подонками общества", показаны как жертвы этого общества и в то же время как его гневные судьи, разоблачающие лицемерие буржуазной Англии.

Вот солдат, храбро сражавшийся на войне, а теперь вынужденный бродяжничать:

... with a wooden arm and leg
And many a tatter'd rag hanging over (my) bum...¹

Приютом ему служат "лес и широкая поляна" или кабак. Кто же виноват в том, что человек этот видит главную радость жизни в "добром штофике"? Кто виноват в том, что его случайная подруга вынуждена продавать себя, чтобы не умереть от голода? На этот путь впервые толкнул ее "добрый пастор-старичок", и страшный этот путь оказался для нее единственным.

А вот проходит перед читателем старуха, не переставшая горевать об умершем муже. В сжатых и выразительных строчках раскрывается образ лихого горца Джона, который с презрением смотрел на законы. За это его изгнали из родных мест. Когда же он вернулся,

They catch'd him at the last,
And bound him in a dungeon fast,²

а потом повесили.

Поэма заканчивается знаменательным четверостишием:

A fig for those by law protected!
Liberty's glorious feast!
Courts for cowards were erected,
Churches built to please the priest.³

Мотивы ненависти и презрения к богачам и попам мы встретим у Бернса еще неоднократно — и в ранних его стихах, и в более поздних. Основные мотивы творчества поэта мы и должны проследить.

Стихи Бернса — и политические и любовные — любил Карл Маркс. Лафарг указывает, что

"...к любимейшим поэтам Маркса принадлежали также Данте и Бернс, и ему доставляло большое удовольствие чтение вслух его дочерьюми сатир шотландского поэта или пение романсов на текст любовных стихотворений Бернса".⁴

Действительно, большинство бернсовских стихотворений представляют собой сатиры и любовные песни. Но прежде чем перейти к ним, остановимся на ряде стихов, которые могли бы составить единый цикл — "Родина".

¹ Без руки, на костыле,
Весь в лохмотьях и грязи.

(Перевод П. И. Вейнберга).

² Связали его, посадили в тюрьму.

(Перевод П. И. Вейнберга).

³ Прочь все, кому закон по вкусу!

Свобода — светлый праздник нам.

Суды приятны только трусу,

Монастыри — одним ханжам.

(Перевод П. И. Вейнберга).

⁴ П. Лафарг — Карл Маркс. По личным воспоминаниям. Цит. по сборнику К. Маркса и Ф. Энгельса об искусстве. М.-Л., 1937, стр. 661.

Шотландия была для Бернса тем, чем являлась для Шевченко Украина. Боль за родину, истерзанную и окровавленную, мучит обоих. Шевченко скорбит о растоптанной и разграбленной родине ("За що тебе сплюндровано, за що, мамо, гинеш?"), жалуясь на то, что

...скрізь на славній Україні
Люддей у ярма запрягли
Пани лукаві...

У Бернса тоже находим аналогичные мысли и чувства. В стихотворении "Fareweel to a' our Scottish fame" ("Прощание со славой") поэт изливает свое негодование по поводу унижения, которое испытывает Шотландия, в таких строках:

Fareweel to a' our Scottish fame,
Fareweel our ancient glory!
Fareweel even to the Scottish name,
Sae fam'd in martial story!¹

Шевченковский образ матери-родины дан у Бернса с той же захватывающей нежностью, с той же мужественной и суровой простотой. Он называет свою страну *my auld respected mither* — старой почтенной матерью. Эти чувства звучат и в стихотворениях "Fareweel" ("Прощанье") и "Address to Edinburgh" ("Обращение к Эдинбургу"). Былое величие Шотландии, утерянная ею свобода, призыв к борьбе за освобождение — вот лейтмотив песенного призыва, который Бернс вкладывает в уста Брюса. Последний призывает к шотландцам, проливавшим кровь с ним и с Уолласом, напоминая, что настал час смерти или победы. Власть Эдуарда несет с собой цепь и рабство. Надо пожертвовать своей кровью ради свободы сыновей, свергнуть угнетателей, умереть — или победить.

Бернс сочувствует всякому тоскующему по родине. Недаром так проникновенно рисует поэт переживания сеньяльца, оторванного от родной земли ("The slave's lament" — "Жалоба раба"). Где бы ни находился он сам, мысль о родине не покидает его:

My heart's in the Highlands, my heart is not here;
My heart's in the Highlands a-chasing the deer;
Wherever I wander, wherever I rove,
The hills of the Highlands for ever I love.²

Сколько раз подобные мотивы повторяются у Шевченко! В хмурым неприветливом Петербурге поэт охватывает страх, что он больше не увидит родины:

Тяжко, важко умирати у чужому краю!
("Думка", 1838).

¹ Прости нашей чести шотландской бывалой
И доблести прежней — прости!
Шотландия воинской славой блистала,
Но больше ее не найти.

² Мое сердце не здесь, мое сердце в горах,
Мое сердце несется за ланью в скалах.
Где бы я ни блуждал, ни скитался далеко —
Моя горы родные люблю я глубоко.
(Перевод мой — А. З.).

В другом его стихотворении, написанном в том же 1838 году, — та же мысль:

На чужині не ті люди,
Тяжко з ними жити.
("Думка", 1838).

В угрюмом и душном каземате рисует он чудесную лирическую картину — "Садок вишневый коло хати", в Новопетровском укреплении тоскует при мысли о том, что проиходит на "преславній Україні". В Аральских степях, "на чужині", "нудьга і осінь" гнетут Шевченко.

Ограничимся приведенными примерами, хотя их число легко можно умножить. Для обоих поэтов родина — не громкое слово, не абстракция; родина близко связана в их представлении с народом, угнетенным и жаждущим свободы, и этот народ надо не ублаживать, а звать к борьбе.

Народный певец у Бернса "the simple Bard, rough at the rustic plough" ("простой певец за сельским плугом"). Его муза не знает ни классической туники, ни лаврового венка. Она одета в клетчатый костюм шотландских девушек, украшена цветами и листьями. Она учит поэта простоте и естественности.

И как тут снова не вспомнить Шевченко, который просит свою музу:

Учи неложними устами
Сказати правду.
("Муза").

Подобный взгляд на поэта, на его задачи, в значительной мере определяет и тематику стихов. В изображение быта Бернс вносит острый социальный протест. Характерно, что излюбленными персонажами его являются люди из народа, крестьяне, бедняки, а порой и отверженные законами капиталистического общества. Общество, государство отобрало у этих людей все, пустило их по миру ("The jolly Beggars"). Они платят за это презрением, в котором звучит глухая угроза.

Для Бернса не существует ни титулов, ни рангов. Глубоким сарказмом проникнуто стихотворение, написанное по поводу встречи с неким лордом, а "Elegy on the year 1788" ("Элегия на 1788 год"); оно начинается заявлением поэта, что он не жалеет о смерти королей и лордов:

For Lords and Kings I dinna mourn,
E'en let them die — for that the're born.¹

Золото также не в почете у поэта, — честный бедняк лучше продажного богача.

Is there, for honest poverty,
That hangs his head, and a' that?
The coward — slave, we pass him by,
We dare be poor for a' that!
For a' that, and a' that,
Our toils obscure and a' that;

¹ Пусть мрут — на то они родились.
(Перевод мой. — А. З.).

The rank is but the guinea stamp,
The man's the gowd for a' that.¹

Так выписывается в поэзии Бернса образ подлинного человека в широком, гуманистическом значении этого слова.

Независть к власти денег пронизывает и стихотворение, озаглавленное "Lines written on a Bank-note" ("Строки, написанные на банковном билете"). Банковский билет назван "проклятым листком", он — источник бед и скорбей. Не только личная нужда гнетет поэта, он видит "жестокую улыбку угнетателя", насмешку над теми, которые не обладают "проклятым листком".

В иронической эпиграмме "Poverty" ("Бедность") подчеркивается, что лишь "большие" люди, денежные мешки, могут "делать политику", бедняку же остается быть "глухим и слепым".

Деньги часто разрушают личное счастье (поэту пришлось убедиться в этом на горьком личном опыте). Описывая, как родители отдают дочь богачу, в маленьком стихотворении из четырех строк Бернс создает трогательный образ девушки, проданной в замужество, вынужденной покориться нелюбимому человеку и сложившейся под непосильным гнетом такой жизни ("О, как родители жестоки!"). Крестьянский пареня теряет невесту, потому что он дарит ей только любовь, а соперник приводит ей коня с богатой сбруей ("Meg o'the mill" — "Мэг с мельницы").

Бернс показывает крестьянский быт, тяжелый крестьянский труд, "заботу жгучую, и бедность, и усталость", которых не может затушить семейная идиллия ("The Cotter's Saturday Night" — "Субботний вечер поселения").²

Поэт отчет себе отчет в том, что в угнетении и эксплуатации народных масс немалую роль играет церковь, санкционирующая, благословляющая существующий строй. Антиклерикальные мотивы рано начинают звучать в творчестве Бернса. По собственному его свидетельству, "описание эдинбургского духовенства принято было с восторженными рукоплесканиями". Но духовенство не разделяло восторгов публики, ибо чувствовало себя задетым за живое. И когда появилась "Holy Willie's Prayer" ("Молитва св. Вилли"), она, по словам автора, "так напугала этих господ, что они в нескольких заседаниях совещались, нельзя ли чем-нибудь выстрелить по мирскому рифмачу из пресвитерианской артиллерии".

¹ Кто честной бедности своей
Стыдится — и все прочее,
Тот самый низкий из людей,
Трусливый раб и прочее.
При всем
При том,
При всем

При том —
Пусть бедны мы с вами!
Богатство —
Ищам на золотом,
А золотой —
Мы сами.

(Перевод С. Я. Маршак).

² Тема труда неоднократно раскрывается перед читателем в творчестве Бернса. Сам по себе труд радостен ("Веселый пахарь"), но условия, в которых живут крестьянин, делают его тяжелым. Еще ярче выступает эта мысль у Шевченко (ср. "Мені тринадцятий минало. Я пас агната за селом").

Такие стихи, как "The holy Fair" ("Благочестивая ярмарка"), "The rev. John M'Math" ("Послание Мак-Мэту") и др., едко высмеивают религиозные обряды, во время которых "один пьет от водки, а другой — от благочестия", один думает о грехах, а другой — о грехах. Можно указать и на приводившиеся уже строки из поэмы "The jolly Beggars", где разоблачается самая сущность религии, ее лживость, лицемерие и напускной святостью. Антиклерикальный мотив здесь перерастает в антирелигиозный.

С особой силой звучат подобные мотивы у Шевченко. Достаточно вспомнить гневный и страстный призыв поэта:

З багрянців онучі драти,
Листьки з калід закурати,
"Явленніми" піч топити,
А кропилом будем, брате,
Нову хату вимігати!

(„Світє ясний! Світє тихий!“).

Бедствия народные, бесправие и гнет связаны в представлении великого украинского поэта с темной и страшной властью церкви:

Кругом неправда і неволя,
Народ замучений мовчить,
А на апостольським престолі
Чернець годований сидить.

(„Єрєтік“).

Одуряющее влияние религии, мертвящие оковы, налагаемые ею на молодую жизнь, показаны в сатирическом стихотворении "Гимн чернечий", представляющем и блестящий образец поэтической техники Шевченко: ритмическая скороговорка, пародирующая молитву, является едкой и острой насмешкой над "божьим домом" и его "небесными покровителями".

Сатира антирелигиозная тесно переплетается у Шевченко с политической сатирой. Трудно установить грань между ними в таких произведениях, как уже цитированный "Світє ясний! Світє тихий!" или "Сон", где с одинаково острой ненавистью говорится и о божьих и о царях. Здесь уместно вспомнить также стихотворение "Якби ви знали, панічі", где бог, лишенный всякого ореола святости ("Мені здається, що самого тебе вже люди проклинали"), советуется "... з панями, як править миром".

Политическая атмосфера крепостной России была еще более удушливой, нежели та, которой приходилось дышать Бернсу, и Шевченко возмущается до протеста более сильного и гневного, чем протест шотландского поэта. "Царі", "Оссіє глава XIV", "Саул", "Кавказ", "Сон" ("На панщині пшеницю жала") — направлены против крепостного права, против царей земных и небесных. Призыв к революционному восстанию у Шевченко, несомненно, гораздо ярче, выразительнее, чем у Бернса.

Особенно тяжела доля женщины, привлекающая внимание обоих поэтов. По стихам Бернса мы уже познакомились с мучительной судьбой девушки, насильно выданной за нелюбимого, потому что он богат. А вот и другая грустная о возлюбленном, с которым ее разлучают ("Tam Glen" — "Там Глен"). У Тама нет ни денег, ни имущества, он умеет только плясать и любить от всего сердца, и родители невесты — против него. Жалоба на брак с немилым и старым

звучит и в стихотворении "What can a young lassie" ... ("Что девушка делает").

Несчастная любовь у Бернса почти всегда осложнена социальными мотивами. С этой точки зрения очень интересно небольшое стихотворение "Lord Gregory" ("Лорд Грегори"). Начинается оно романтическим описанием бури:

O mirk, mirk is the midnight hour,
And loud the tempest's roar.¹

Природа как бы сочувствует покинутой девушке, которая в этот поздний час стучится у дверей возлюбленного. Она не может верить и она просит: отец прогнал ее, не простив "незаконной" любви, закрыты двери замка, лорд Грегори нисколько не беспокоится о той, которая в слезах стоит под его окном. В скупых и сдержанных выражениях рисует поэт и душевное благородство крестьянской девушки, прощающей вероломство любимого человека, и черствость знатного лорда, забывшего подругу. Тот же мотив звучит в стихотворении "Раз вечером" и в других.

Любовь, оказавшаяся несчастной по причинам социального порядка, как известно, играет значительную роль в творчестве Шевченко. Тяжелая доля Марьяны, которую мать принуждает выйти замуж "за пана, за старшого, багатого, за сотника Івана". Такая же судьба грозит героине поэмы "Тополя", и потому девушка предпочитает расстаться с жизнью.

Стихи Шевченко полны образами безыменных, безвестных женщин и девушек, тоскующих о любви и превращающихся в игрушку развращенного пана. Смелчак, вступающий за оскорбленную, платится за это кандалами и Сибирью ("Якби тобі довелось"). Доля крепостной крестьянки, о которой сказал Некрасов:

Три тяжкие доли имеет судьба.
И первая доля — с рабом повенчаться,
Вторая — быть матерью сына раба
И третья — до гроба рабу покоряться —

доля эта раскрыта Шевченко в еще более трагическом аспекте. Его героини обычно лишены даже этой возможности. Они либо погибают, не дождавшись любимого, угнетаемые создавшейся обстановкой ("Причинна", "Тополя"), либо не имеют права признаться в своей материнстве ("Наймичка").

В редких случаях удается матери вырастить сына:

Діждалася вдова долі,
Зросту того сина:
І письменний, і вродливий —
Квіточка дитина!

Но уже подстерегает старуху горе:

...Стали хлопців
В кайдани кувати.

¹ О, темна эта ночь, непроглядно темна!
Ветер вост, как бешеный зверь.

(Перевод П. И. Вейнберга).

Ой привезли до прийому
Чуприцу голити;
Усе дрібні, усе малі —
Все багатих діти.

Усі невлад, усіх назал,
.....
А у вдови один син,
Та й той якраз під аршин.

("Сова").

В этих немногих строчках раскрывается социальная несправедливость, угнетение масс, на которых держался крепостнический строй. И неудивительно, что мать, потеряв надежду на возвращение сына, сходит с ума.

Тема "покрытки", девушки обольщенной и брошенной, вынужденной вместе с ребенком мыкать горе, выносить насмешки и брань, — тема эта является особенно жгучей и важной в эпоху Шевченко. Один из самых трагических женских образов, созданных поэтом, это — образ Катерины в одноименной поэме. Трагедия Катерины заключается не только в несчастливой любви, но и в том, что она должна скитаться с ребенком по проселочным дорогам, что ребенок от рождения обречен на голод и бесправие, да и сама она совершенно бесправна и беспомощна. Между тем, на стороне виновника ее горя — пана, офицера — закон и сила. Шевченко раскрывает страшный и коварный быт, силу окостеневших традиций, заставляя их родителей отказываться от дочери. Много раз подчеркивается ее полное одиночество. Образ Катерины — образ огромной социальной значимости, как бы воплощающий в себе все горе крепостной крестьянки.

Казалось бы, беспросветный мрак, царящий кругом, должен родить в душе поэта отчаяние, пессимизм. Но в том-то и заключается одна из величайших заслуг Бернса и Шевченко, что они не впадают в уныние и тоску. Оба верят в лучшее будущее, которое завоеует народ, оба умеют радоваться жизни.

Сколько бодрости и жизнерадостности в любовных песнях Бернса, в которых он сравнивает свою любовь с распустившимся цветком:

My love is like a red red rose
That's newly sprung in June.¹

или, презрительно отказываясь от мишурного блеска титулованных дам, воспекает девушку гор:

She has my heart, she has my hand,
By sacred truth and honour's band!²

И девушки, им воспетые, не прельщаются богатством: они знают, что любовь ценнее золота и серебра, и богатству предпочитают свидание с милым. Природа как бы обрамляет картину этого свидания: оно происходит в поле "среди колосьев ячменя".

¹ Любовь моя — алая, алая роза,
В июньский расцветшая зной.

(Перевод Т. Л. Шепкиной-Куперник).

² Ей руку дал и сердце дал.
Порыв священный нас связал.

(Перевод мой — А. Л.).

Природа для Бернса — не театральная декорация, а живое и деятельное начало. Он ощущает жалость к полевым мыши, гнездо которой разорил, впахивая поле, к маргаритке, срезанной плугом. В немногих строках дается сельский пейзаж, поразительный по свежести и реалистичности рисунка. Бернс показывает читателю шотландские горы, берега реки, зеленые склоны холмов.

Такую же яркость и простоту изображения находим у Шевченко. Явор, калина, ива, хмель, цветущий мак, тополь — вот и вся поэтическая ботаника Шевченко. Потом Днепр — бурный и сердитый, Днепр седой и вепенный, редко море, а чаще всего степи и могила — вот и весь пейзаж Шевченко¹ — заявляет один из критиков. Конечно, Шевченко показывает не только "степь и могилу", но и села, "веселі села", однако в приведенной цитате правильно подчеркнута естественность и реалистичность изображения, ведущая к большой художественной выразительности.

Сжатость и свежесть языка, глубокий, мягкий лиризм характерны для Шевченко. Достаточно вспомнить "Садок вишневи колос хати", пейзаж, которым открывается "Причинна" ("Рече та стогне Дніпр широкій"); есть и целый ряд стихов, полных чисто народного юмора ("У перетіку ходила", "Утоптала стежку через яр" и др.). У Бернса — "The joyful Widow" ("Веселый вдовец") и др.

Оба поэта пользуются в своем творчестве художественными приемами фольклора. Вспомним стихи Бернса "Meg o'the mill" и др., впомним замечательную словесную инструментовку шевченковской поэмы "Тополя" (начало), пятую главу "Княжни" ("Гармидер, галас, гам у гаї"); прием отрицательного сравнения:

То не вітер, то не буйний,

Що дуби ламає,

То не лихо, то не тяжке,

Що мати вмирає.

и т. д.

Характерен и лирический жанр песни, излюбленный обоими поэтами, сближающий их с народной поэзией (у Бернса следует отметить еще балладу).

Стихи Бернса, отличающиеся высокой музыкальностью, полны лиризма, ярких образов. Его образительные средства свежи и оригинальны, у него меткие сравнения, свидетельствующие об юморе и реализме. Рифмы и ассонансы бернсовских песен для его эпохи часто являются новинкой. Богатые и разнообразие ритмы стихов восходят к народной песне, и многие из этих стихов теперь прервались в песни, излюбленные шотландским народом.

Подобные сближения можно бы продолжить, но мы ограничимся приведенными примерами. Конечно, не приходится говорить о влиянии Бернса на Шевченко. Важно отметить подлинную народность, свойственную обоим поэтам, показать то общее, что есть в творчестве каждого из них.

Возникает и вопрос о том, что мог знать Шевченко о Бернсе и какова была судьба произведений последнего в России.

Впервые переводы бернсовских стихов появились еще в 1890 г.² Это был прозаический перевод стихов "Address to the Shade of Thom-

¹ И. Иванов — Шевченко в кругу народных поэтов. Русская мысль. 1897, № 6.

² Илюргена, 1890, ч. VII.

son the Poet" ("Стихи в честь Томсона"). В 1829 г. Московский телеграф печатает перевод "Epitaph on a Writer" ("Эпитафия певцу"). В том же году Козлов переводит "The Cotter's Saturday Night" ("Сельский субботний вечер поселенца"). Затем русский читатель знакомится с бернсовским стихотворением "Farewell" ("Прощание") в переводе декабриста Драгоманова (1831 г.) и "To a Mountain Daisy" ("К полевой маргаритке", 1835 г.). Известен и "John Barley-Corn" ("Джон — ячменное зерно") в наивном переводе "Иван Ерофеевич" ("Джон — ячменное зерно").

К этому времени существует уже и некоторая критическая литература о шотландском поэте. Кроме упоминавшейся статьи в Библиотеке для чтения, были напечатаны статьи в ряде журналов.¹

Широкий круг литературных интересов Шевченко позволяет думать, что великий украинский поэт не только слышал о Бернсе хотя бы с некоторыми из упомянутых переводов и статей. Шевченко сам указывал на то, что пользовался лексиконом Плюшара во время работы над "Гайдамаками" — искал сведений о Барской конференции; в лексиконе же, как уже сообщалось, была и статья о Бернсе. Для того, чтобы так метко определить сущность бернсовской поэзии, как это сделал Шевченко, надо было, конечно, знать ее не с чужих слов, а иметь о ней собственное представление.

Интересна и дальнейшая судьба Бернса в России. Переводы 30-х и 40-х годов — лишь начало популярности поэта. По-настоящему знакомят с ним русского читателя революционные демократы 60-х годов — поэты-переводчики Михайлов, Вейнберг, Курочкин. По условиям царской цензуры могло быть переведено далеко не все; тем не менее, некоторые стихотворения Бернса становятся в эту пору достоянием русской читающей публики.

О том, как воспринималось творчество Бернса (и Шевченко), можно судить по любопытным архивным материалам. В делах Петербургского цензурного комитета за 1874 г. приводятся данные о докладе, сделанном исполняющим обязанности цензора Юферовым по поводу статьи под заглавием "Тарас Шевченко", которая предназначалась для журнала "Дело".

Появление в немецкой и других западных литературах статей и отзывов о Шевченко вызвало настоящую статью. Автор, употреблявший обычный для журнала "Дело" прием, высказал по этому поводу протест против могущественных классов. Он сравнивает положение Шевченко с положением шотландского писателя Роберта Бернса и находит поразительное сходство их обоих. Бернс нес с терпением свой крест, как и все его земляки, но доля, достающаяся Шевченко, превосходит далеко тяжелое положение шотландского поселенца, так как Шевченко был крепостным. Положение крепостного выставлено в статье в самых мрачных красках. Цензор, признавая статью тенденциозной, полагает ее к напечатанию не дозволять.

Определено: согласно с мнением цензора, статью к печатанию не дозволять.²

¹ Московский телеграф, 1829; Телескоп, 1834; Энциклопедический лексикон Плюшара, 1836; Отечественные записки, 1842.

² Дело Сибирского цензурного комитета по изданию "Дела", 1804 — 1875 г., № 76, т. V, л. 101.

Статья, о которой докладывал Юферов, — без подписи. Видимо, она принадлежит перу демократического критика-семидесятника С. Шашкова. Основываясь на библиографическом очерке Шевченко, составленном В. П. Масловым (издание народного журнала „Грамотей“, М., 1894 г.), на „Кобзарь“ в переводе Чмырева (издание 1874 г.), на немецкой брошюре Обриста „Taras Grigorie witsch Schewtshenko, ein kleinrussischer Dichter“ и на анонимной итальянской брошюре „Il movimento letterario in Russia e Galizia“, автор статьи указывает на растущий интерес Европы к Шевченко. Приводя в качестве параллели Бернса, он называет последнего „Тарасом Шотландий“, а Шевченко — „малорусским Бернсом“. Приводятся некоторые аналогичные моменты библиографического порядка, намечаются черты, роднящие обоих поэтов.

Цензурное запрещение явилось „естественным“ следствием „грамотного“ поведения автора. Неожиданно выяснилось, что Бернс пишет далеко не об одной любви. Нищие в кабачке Ненсы Поэты не только „горланят и целуются“, но издеваются над „порядочным“ обществом и даже — пока еще неясно — грозят ему. „Благочестивая ярмарка“ будила далеко не благочестивые мысли. Веселый и красочный мир бернсовской поэзии, мир, казавшийся таким беззаботным и далеким от политики, как выяснилось, служил фоном, на котором ярче вспыхивало революционное пламя шевченковских поэм и стихов. Нельзя было позволить популяризировать поэта, хотя бы умершего, если он помогал читателю понять другого поэта, мечтающего о времени, когда настанет

... кара

Царям, царят на землі.

И Бернс и Шевченко получили настоящее признание лишь после Великой Октябрьской революции. Только теперь по-настоящему начинается раскрываться неисчерпаемое богатство бернсовской поэзии, которая еще ждет своего переводчика, несмотря на наличие ярких и порой своеобразных новых переводов — Багрицкого, Маршак, Щепкиной-Куперник. Разбиты и уничтожены все попытки националистов — вратов народа исказить образ Шевченко, революционного демократа, поэта-борца, сквозь века протягивающего руку народу певцу другой страны — Роберту Бернсу.

Р. М. САМАРИН

„ПЕСНЬ О РОЛАНДЕ“ И ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРНОГО АНАЛИЗА

Эта работа является попыткой наметить, хотя бы в общих чертах, путь литературного анализа в применении к величайшему произведению средневековой западноевропейской поэзии — „Песни о Роланде“.

Научная литература, выросшая вокруг проблем этой поэмы, разнообразна и многообразна. Есть ряд теорий, построенных на противоречащих друг другу выводах и о времени, и о месте, и о путях возникновения „Песни“. Мы лишь вкратце коснемся этих теорий, вызовем те из них, которые важны для основной задачи статьи — анализа поэмы.

Итак, статья имеет не так научно-исследовательскую, как чисто практическую цель. Однако наряду с чисто практическими моментами автор намерен остановиться и на некоторых гипотетических, вполне дискуссионных вопросах.

„Песнь о Роланде“ — древнейший памятник французского героического эпоса, дошедший до нас в относительно законченном виде. Известны девять различных списков „Песни“, из которых наиболее полным и законченным является так называемый Оксфордский список, названный так по месту, где он был найден (Оксфордская библиотека).

Оксфордская рукопись, считающаяся наиболее полной — сплошной стихотворный текст, не разбитый на отдельные главы, состоящий из 289 неточных строф, так называемых лес-или тирад. Число стихов в строфе неодинаковое — от 7 до 17 и больше. Общее число стихов — 4062. Стихи соединены ассонансами. В конце большинства строф стоит восклицание „аой“, значение которого до сих пор не выяснено: быть может, это рефрен, а быть может — сокращенное обозначение музыкального мотива, исполнявшегося в качестве аккомпанемента к „Песни“. По иному толкованию, восклицание „аой“ — заповедное или диалектологическое слово, переводимое как „вперед“.

Видимо, этот текст „Песни“ был записан около 1170 г. К этому времени „Песнь“ существовала уже как художественное произведение, оформившееся и в устной передаче и письменно. Но каким именно было это произведение, что в нем существовало до текста 1170 г. и что возникло в этом тексте впервые — установить невозможно.

То, что текст был записан в Англии, объясняется известным фактом: языком англо-нормандского придворного общества XII века был язык старофранцузский, и многие произведения французской литературы для этого общества были родными и понятными. Вернее, англо-нормандская придворная литература в XII веке просто не могла существовать как литература нефранцузская: и кругом своих тем